

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТАНУ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

УДК 341.2; 341.231.14
МРНТИ 10.87.27

Б.К. Батырбекова, А.У. Усенбаева
META University, г. Алматы, Республика Казахстан

УНИВЕРСАЛИЗМ И КУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию соотношения универсализма прав человека и культурного релятивизма в практике международных и региональных судебных органов. На основе сравнительно-правового анализа рассмотрена деятельность Европейского суда по правам человека, Межамериканского суда по правам человека, Международного суда ООН, а также международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда. Показано, что универсализм выступает фундаментальной основой международной системы защиты прав человека, обеспечивая неизменность базовых стандартов, включая право на жизнь, запрет пыток, дискриминации и других норм императивного характера. Вместе с тем региональные судебные органы демонстрируют различные модели учета культурного контекста: от «культурно-чувствительного универсализма» в европейской системе до «культурно ориентированного универсализма» в межамериканской практике. Международные уголовные суды и Международный суд ООН закрепляют более строгий универсализм, при котором культурные и исторические аргументы не могут ограничивать действие фундаментальных норм. На основе анализа выявлена тенденция формирования многоуровневой модели правоприменения, в которой универсальные стандарты сочетаются с учетом культурного многообразия.

Ключевые слова: права человека; универсализм; культурный релятивизм; международные суды; Европейский суд по правам человека; Межамериканский суд по правам человека; Международный суд ООН; международное уголовное право.

Б.К. Батырбекова, А.У. Усенбаева
META University, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫНЫҢ УНИВЕРСАЛИЗМІ МЕН МӘДЕНИ РЕЛЯТИВИЗМ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕ Өңірлік сот органдары тәжірибесін САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ

Аннотация. Мақала халықаралық және өңірлік сот органдарының тәжірибесіндегі адам құқықтарының универсализмі мен мәдени релятивизмінің арақатынасын зерттеуге арналған ғылыми талдау ұсынылады. Салыстырмалы-құқықтық талдау негізінде Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық соттың, Адам құқықтары жөніндегі Америкааралық соттың, Біріккен Ұлттар Ұйымының Халықаралық сотының, сондай-ақ халықаралық қылмыстық трибуналдар мен Халықаралық қылмыстық соттың қызметіне талдау жасалды. Зерттеу нәтижелері универсализмнің адам құқықтарын халықаралық қорғау жүйесінің іргелі негізі болып табылатынын және өмір сүру құқығы, азаптауға тыйым салу, кемсітушілікке жол бермеу сияқты негізгі стандарттардың, сондай-ақ императивтік халықаралық-құқықтық нормалар мызғымастығын қамтамасыз ететінін көрсетті. Сонымен қатар өңірлік сот органдары мәдени контексті ескерудің әртүрлі үлгілерін қалыптастырған: еуропалық жүйедегі «мәдени-ерекшеліктерді ескеретін универсализмнен» бастап америкааралық тәжірибедегі «мәдени ерекшеліктерге бағдарланған универсализмге» дейін. Халықаралық қылмыстық соттар мен БҰҰ Халықаралық соты неғұрлым қатаң универсализм қағидатын ұстанады, мұнда мәдени және тарихи уәждер іргелі құқықтық нормалардың қолданылуын шектей алмайды. Талдау нәтижесінде әмбебап стандарттарды мәдени әртүрлілікті ескере отырып қолдануға негізделген көпдеңгейлі құқық қолдану моделінің қалыптасу үрдісі анықталды.

Түйінді сөздер: адам құқықтары; универсализм; мәдени релятивизм; халықаралық сот органдары; Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық сот; Адам құқықтары жөніндегі Америкааралық сот; БҰҰ Халықаралық соты; халықаралық қылмыстық құқық.

B.K. Batyrbekova, A.U. Usenbayeva
META University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

UNIVERSALISM AND CULTURAL RELATIVISM OF HUMAN RIGHTS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PRACTICE OF INTERNATIONAL AND REGIONAL JUDICIAL BODIES

Abstract. This article examines the relationship between the universalism of human rights and cultural relativism in the practice of international and regional judicial bodies. Based on a comparative legal analysis, the study explores the activities of the European Court of Human Rights, the Inter-American Court of Human Rights, the International Court of Justice of the United Nations, as well as international criminal tribunals and the International Criminal Court. The findings demonstrate that universalism constitutes the fundamental basis of the international human rights protection system, ensuring the inviolability of core standards, including the right to life, the prohibition of torture, non-discrimination, and other peremptory norms of international law. At the same time, regional judicial bodies have developed different approaches to incorporating cultural context, ranging from «culturally sensitive universalism» in the European system to «culturally oriented universalism» in the Inter-American framework. International criminal courts and the International Court of Justice adhere to a stricter model of universalism, under which cultural and historical considerations cannot limit the application of fundamental legal norms. The analysis reveals an emerging multi-level model of legal implementation in which universal standards are combined with due consideration of cultural diversity.

Keywords: human rights; universalism; cultural relativism; international courts; European Court of Human Rights; Inter-American Court of Human Rights; International Court of Justice; international criminal law.

DOI: 10.52425/25187252_2026_40_161

Введение. Вопрос о соотношении универсальных норм прав человека и культурного релятивизма остается одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем современного международного права. С одной стороны, универсализм предполагает, что права человека обладают неотъемлемым, присущим каждому человеку характером, независимо от географических, культурных или религиозных различий. Эта концепция закреплена в ключевых международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека (1948)¹, Международный пакт о гражданских и политических правах (1966)² и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966)³, а также в региональных системах защиты прав человека (например, Европейская конвенция о защите прав человека (1950)⁴ и Американская конвенция о правах человека (1969)⁵). Универсализм предполагает, что права человека представляют собой минимальный стандарт, обязательный для соблюдения всеми государствами, вне зависимости от их культурных, социальных или религиозных особенностей.

С другой стороны, теория культурного релятивизма указывает на то, что восприятие прав и свобод индивида неотделимо от специфики культурной, религиозной и исторической среды. Культурный релятивизм подчеркивает, что универсальные стандарты могут конфликтовать с

¹ Universal Declaration of Human Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 20.03.2026).

² International Covenant on Civil and Political Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (дата обращения: 20.03.2026).

³ International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights> (дата обращения: 20.03.2026).

⁴ European Convention on Human Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG (дата обращения: 20.03.2026).

⁵ American Convention on Human Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.refworld.org/legal/agreements/oas/1969/20081> (дата обращения: 20.03.2026).

традиционными практиками и социальными нормами отдельных обществ, что создает трудности для их практической реализации. Например, вопросы, связанные с правами женщин, свободой совести, семейным устройством и образованием, часто оказываются предметом напряжения между международными стандартами и локальными культурными практиками [1].

В международной судебной практике эти противоречия проявляются особенно ярко. Международные суды и трибуналы, включая Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), Межамериканский суд по правам человека (далее – МАСПЧ) и Международный уголовный суд (далее – МУС), регулярно сталкиваются с необходимостью балансировать между принципом универсальности прав человека и уважением культурной специфики государств-участников. Судебные решения демонстрируют, что абсолютного приоритета ни универсализм, ни культурный релятивизм не имеют: на практике применяется комплексная интерпретация, учитывающая как международные обязательства, так и локальные культурные и социальные контексты.

Проблематика универсализма и культурного релятивизма приобретает особую актуальность в условиях глобализации, миграционных процессов, интеркультурного взаимодействия и международного вмешательства в ситуации массовых нарушений прав человека. Неспособность эффективно соотнести универсальные стандарты с локальными культурными реалиями может приводить к сопротивлению государств, нарушению прав человека на практике и политической поляризации международного сообщества.

В научной литературе отмечается, что поиск баланса между универсализмом и культурным релятивизмом является не только юридическим, но и философским и социокультурным вызовом. Существуют различные подходы к разрешению этой проблемы: от строгой привязки к международным договорам до концепций «культурно-чувствительного универсализма», которые позволяют учитывать культурные различия без отказа от фундаментальных прав. Анализ судебной практики позволяет выявить тенденции и механизмы, с помощью которых международные органы права пытаются реализовать универсальные стандарты в условиях культурного многообразия [2].

Таким образом, исследование взаимодействия универсализма прав человека и культурного релятивизма через призму международной судебной практики является не только актуальной научной задачей, но и практической необходимостью для укрепления системы защиты прав человека в глобальном масштабе.

Материалы и методы. Материалами исследования выступают международно-правовые акты (Всеобщая декларация прав человека, Международные пакты 1966 года, региональные конвенции), решения международных и региональных судов, а также научные публикации, аналитические обзоры и доклады международных организаций. В исследовании применены сравнительно-правовой метод и доктринальный анализ. Использованы кейс-стади судебной практики и статистические данные. Обобщение выполнено посредством критического анализа и синтеза.

Результаты, обсуждение. Современная система защиты прав человека функционирует в условиях усиливающегося культурного многообразия, миграционных процессов и сохраняющихся региональных конфликтов. Эти факторы существенно усложняют реализацию универсальных стандартов и требуют их адаптации к различным социальным контекстам без утраты нормативного содержания [3].

По данным United Nations⁶ и Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights⁷, значительная часть современных нарушений прав человека связана с дискриминацией по

⁶ United Nations. Global Alliance for Human Rights: A call to imagine, dialogue, act. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/stories/2026/06/global-alliance-human-rights-call-imagine-dialogue-act> (дата обращения: 20.03.2026).

признаку пола, этнической принадлежности, религии и социального статуса. В ежегодных докладах отмечается, что наиболее уязвимыми остаются женщины, дети, религиозные меньшинства и коренные народы, что подтверждает устойчивый характер структурного неравенства в различных регионах мира.

Согласно региональной статистике Council of Europe⁸, Европейский суд по правам человека ежегодно рассматривает десятки тысяч жалоб, значительная часть которых связана с нарушениями статей о запрете дискриминации, праве на справедливое судебное разбирательство и защите частной жизни. Это свидетельствует о сохраняющемся разрыве между формально закрепленными стандартами и их фактической реализацией на национальном уровне.

В межамериканской системе защиты прав человека, функционирующей под эгидой Organization of American States⁹, особое внимание уделяется правам коренных народов и защите коллективной культурной идентичности. Практика показывает, что значительная часть дел связана с конфликтами вокруг земли, природных ресурсов и традиционных форм социальной организации, что отражает специфику региона.

Особую актуальность приобретают также международные уголовные процессы. По данным International Criminal Court¹⁰, значительная часть текущих расследований связана с вооруженными конфликтами, массовыми перемещениями населения и системными нарушениями прав человека в Африке, Восточной Европе и других регионах. Эти процессы демонстрируют, что универсальные стандарты сталкиваются с вызовами в условиях вооруженного насилия и политической нестабильности.

Таким образом, современные вызовы реализации универсальных прав человека проявляются не только в юридической плоскости, но и в социально-культурной и политической сферах. На практике это выражается в необходимости учитывать культурные различия при сохранении неизменности фундаментальных прав. Возникает задача поиска баланса между универсальными стандартами и локальными особенностями, который позволил бы повысить эффективность международной системы защиты прав человека.

Практика региональных судебных органов. Региональные судебные системы играют ключевую роль в формировании баланса между универсальными стандартами прав человека и культурным многообразием. Наиболее показательные модели сформированы в европейской и межамериканской системах защиты прав человека, где наблюдаются разные подходы к учету культурного контекста при интерпретации универсальных норм.

Практика Европейского суда по правам человека. European Court of Human Rights¹¹ является центральным элементом европейской системы защиты прав человека и обеспечивает соблюдение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Анализ официальной статистики Европейского суда по правам человека за 2024-2025 гг. свидетельствует о сохранении высокой динамики обращений при одновременных изменениях в эффективности рассмотрения дел. Так, в 2024 году в суд поступило около 28 800 новых заявлений, тогда как в 2025 году их количество увеличилось до 31 800, что отражает рост примерно на 10%. Данная тенденция указывает на усиление обращений граждан к наднациональному механизму защиты прав человека, что может быть связано как с расширением

⁷ United Nations. Minorities [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/topic/minorities> (дата обращения: 20.03.2026).

⁸ Statistical reports [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/en/statistical-reports?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.03.2026).

⁹ American convention on human rights «Pact of San Jose, Costa Rica» (B-32) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.oas.org/dil/treaties_B-32_American_Convention_on_Human_Rights.htm (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁰ International Criminal Court. Rome Statute of the International Criminal Court [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/publications/core-legal-texts/rome-statute-international-criminal-court> (дата обращения: 20.03.2026).

¹¹ European Convention on Human Rights [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.echr.coe.int/european-convention-on-human-rights> (дата обращения: 20.03.2026).

правовой осведомленности заявителей, так и с сохраняющимися проблемами имплементации Конвенции на национальном уровне.

Одновременно наблюдается снижение числа дел, находящихся на рассмотрении: с примерно 60 350 в 2024 году до 53 450 в 2025 году (сокращение порядка на 11%). Указанная динамика свидетельствует о повышении операционной эффективности суда и ускорении процедур рассмотрения жалоб, несмотря на увеличение входящего потока дел.

Кроме того, фиксируется рост числа рассмотренных заявлений: с 36 819 дел в 2024 году до 38 573 дел в 2025 году, что отражает постепенное усиление производительности судебного механизма¹².

В совокупности указанные данные демонстрируют двойственную тенденцию: с одной стороны – увеличение нагрузки на Европейский суд по правам человека, с другой – повышение его институциональной эффективности. Это позволяет сделать вывод о сохранении структурного дисбаланса между спросом на международную защиту прав человека и возможностями судебной системы, при одновременной адаптации последней к возрастающим требованиям.

Суд рассматривает широкий спектр дел, однако наибольшую долю составляют жалобы, связанные с нарушением запрета дискриминации, прав на справедливое судебное разбирательство и защиту частной жизни. Значительная часть дел заканчивается установлением нарушений, что подтверждает системный характер проблем в имплементации Конвенции на национальном уровне.

В контексте универсализма и культурного релятивизма практика суда демонстрирует умеренно гибкий подход. С одной стороны, фундаментальные права рассматриваются как безусловные и не подлежащие ограничению культурными традициями. С другой стороны, суд использует доктрину «предела усмотрения государства», позволяя учитывать национальные особенности при оценке «мягких» прав.

Так, в деле *Opuz v. Turkey* (2009)¹³ суд подчеркнул, что государственные органы обязаны защищать право на жизнь и поддерживать запрет жестокого обращения независимо от социальных или культурных факторов, включая традиционные модели семейных отношений. В деле *D.H. and Others v. Czech Republic* (2007)¹⁴ было установлено нарушение в связи с дискриминацией ромских детей в системе образования, при этом культурные аргументы государства не были признаны оправданием различий в образовательной практике.

Современная тенденция в практике суда заключается в усилении защиты уязвимых групп и постепенном ограничении допустимости культурных оправданий в делах, связанных с дискриминацией, насилием и неравенством.

Практика Межамериканского суда по правам человека. Inter-American Court of Human Rights формирует особую модель региональной защиты прав человека, отличающуюся более выраженным вниманием к коллективным правам и культурной идентичности. В отличие от европейской системы, межамериканская модель в большей степени учитывает социальный и культурный контекст, особенно в отношении коренных народов [4].

По данным Organization of American States¹⁵, значительная часть дел в системе связана с нарушениями прав коренных народов, конфликтами вокруг земли и природных ресурсов, а также вопросами исторической ответственности государств.

¹² Annual report European court of human rights. 2025 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/annual-report-2025-eng> (дата обращения: 20.03.2026).

¹³ Case of *Opuz v. Turkey* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/rus#%7B%22itemid%22%3A%22001-119720%22%7D> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁴ Case of *D.H. and others v. the Czech Republic* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-83256%22%7D> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁵ Rapporteurship on the Rights of Indigenous Peoples [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oas.org/en/IACHR/jsForm/?File=/en/iachr/r/DPI/default.asp> (дата обращения: 20.03.2026).

Ключевым примером расширительного толкования универсальных прав с учетом культурной специфики является дело *Awas Tingni v. Nicaragua* (2001)¹⁶, в котором суд признал право коренных народов на традиционные земли как часть права собственности. Суд указал, что культурные формы владения землей являются элементом идентичности и подлежат правовой защите в рамках Конвенции.

В деле *Gelman v. Uruguay* (2011)¹⁷ суд подчеркнул недопустимость ссылок на политические или исторические обстоятельства, включая аргументы национального примирения, в случаях насильственных исчезновений. Было подтверждено, что обязанность расследования серьезных нарушений прав человека носит универсальный характер и не может быть ограничена внутренними политическими процессами [5].

Таким образом, межамериканская практика формирует модель, в которой универсальные права сохраняют свою обязательность, но их содержание интерпретируется с учетом культурной и коллективной специфики обществ.

Практика международных судебных органов. На универсальном уровне международные судебные органы формируют наиболее строгий подход к защите прав человека, при котором приоритет отдается фундаментальным ценностям международного сообщества. В отличие от региональных систем, здесь пространство для учета культурного релятивизма существенно сужено, поскольку речь идет о нормах, имеющих характер обязательств перед всем международным сообществом.

Практика Международного суда ООН. Международный суд ООН играет ключевую роль в формировании универсальных стандартов международного права, особенно в части обязательств *erga omnes*. В деле *Barcelona Traction* (1970)¹⁸ суд впервые указал, что существуют обязательства, направленные на защиту интересов международного сообщества в целом, включая запрет геноцида, рабства и расовой дискриминации.

Позднее в деле *Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro* (2007)¹⁹ суд подтвердил универсальный характер Конвенции о предупреждении преступления геноцида, подчеркнув, что обязанность предотвращения геноцида не зависит от политических, исторических или культурных обстоятельств государства.

Современная практика суда и его консультативные заключения (в т.ч. по вопросам последствий вооруженных конфликтов и гуманитарного права) демонстрируют усиление подхода, при котором защита фундаментальных прав рассматривается как обязательство перед всем международным сообществом, а не как внутренняя компетенция государств [6].

Международный уголовный трибунал по Руанде. Международный уголовный трибунал по Руанде стал одним из ключевых органов, сформировавших современное понимание геноцида и преступлений против человечности. В деле *Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu* (1998)²⁰ суд впервые признал, что сексуальное насилие может являться формой геноцида, если оно направлено на уничтожение определенной группы.

Это решение имело принципиальное значение, поскольку суд прямо указал, что культурные и социальные практики не могут служить оправданием массового насилия. Таким

¹⁶ Case of the Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.escribnet.org/caselaw/2006/case-mayagna-sumo-awas-tingni-community-v-nicaragua-eng/> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁷ Gelman v. Uruguay [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legallibrary.crin.org/gelman-v-uruguay/> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁸ International court of justice. Barcelona traction. Belgium v. Spain [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.worldcourts.com/icj/eng/decisions/1970.02.05_barcelona_traction.htm (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁹ Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/case/91/judgments> (дата обращения: 20.03.2026).

²⁰ The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu (Trial Judgement) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/ict/1998/19275> (дата обращения: 20.03.2026).

образом, была закреплена идея абсолютного характера запрета геноцида независимо от локального контекста.

Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии сформировал важную практику в отношении этнических конфликтов и массовых нарушений прав человека в условиях вооруженных конфликтов [7].

В деле *Prosecutor v. Radislav Krstić* (2001)²¹ суд признал события в Сребренице актом геноцида, подчеркнув, что массовое уничтожение гражданского населения не может быть оправдано этническими, религиозными или культурными различиями.

Практика трибунала в целом демонстрирует последовательное утверждение универсализма: любые ссылки на «историческую вражду» или «культурные различия» отвергаются как юридически несостоятельные в контексте преступлений против человечности.

Международный уголовный суд. Международный уголовный суд представляет современный этап развития универсальной уголовной юрисдикции. Его деятельность охватывает расследования вооруженных конфликтов и массовых нарушений прав человека в различных регионах мира, включая Судан (Дарфур), Центральноафриканскую Республику, Ливию и Украину.

Современные расследования, включая ситуацию в Украине, отражают усиление тенденции к персональной уголовной ответственности за международные преступления независимо от политических и культурных аргументов государств [8].

Международный уголовный суд последовательно исходит из того, что геноцид, военные преступления и преступления против человечности являются нормами *jus cogens*, не допускающими каких-либо исключений по мотивам культурной специфики, исторических обстоятельств или государственной политики.

Таким образом, практика международных судебных органов демонстрирует наиболее жесткую модель универсализма прав человека. В этой системе культурный релятивизм практически не признается как юридически значимый аргумент, поскольку он не может ограничивать действие норм, направленных на защиту базовых ценностей международного сообщества.

Сравнительный анализ практики международных и региональных судебных органов позволяет выявить различные модели соотношения универсализма прав человека и культурного релятивизма. Несмотря на общую приверженность идее универсальности основных прав, степень учета культурного контекста существенно различается в зависимости от уровня и природы юрисдикции.

Региональные судебные системы демонстрируют более гибкий подход. Европейский суд по правам человека применяет концепцию «предела усмотрения государства», что позволяет учитывать национальные, исторические и культурные особенности при толковании отдельных прав. Однако такая гибкость не распространяется на абсолютные права, такие как запрет пыток, рабства и право на жизнь.

Межамериканский суд по правам человека, напротив, развивает модель «культурно ориентированного универсализма». В его практике культурная идентичность и коллективные формы существования рассматриваются как элементы, интегрированные в содержание прав человека. Особенно это проявляется в делах, связанных с правами коренных народов и традиционными формами землепользования.

На универсальном уровне Международный суд ООН и международные уголовные судебные органы занимают более жесткую позицию. Здесь культурные и политические

²¹ *Prosecutor v. Radislav Krstić* (Trial Judgement) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/icty/2001/40159> (дата обращения: 20.03.2026).

аргументы практически не влияют на оценку нарушений, поскольку речь идет о нормах, имеющих характер *jus cogens* и обязательств *erga omnes*. Запрет геноцида, рабства, пыток и преступлений против человечности рассматривается как абсолютный и не подлежащий исключениям.

Сравнительный анализ позволяет выделить три модели соотношения универсализма и культурного контекста (таблица 1).

Уровень	Модель подхода	Характеристика
Европейский суд	культурно-чувствительный универсализм	учет национального контекста при сохранении базовых стандартов
Межамериканский суд	культурно-ориентированный универсализм	интеграция коллективных и культурных прав в универсальные стандарты
Международные суды и трибуналы	строгий универсализм	исключение культурного релятивизма при оценке тяжких преступлений

Таблица 1. Сравнительный анализ трех моделей соотношения универсализма и культурного контекста

Таким образом, международная судебная практика не демонстрирует полного противопоставления универсализма и культурного релятивизма. Напротив, формируется многоуровневая система, в которой степень учета культурного контекста зависит от характера прав и тяжести рассматриваемых нарушений.

Закключение. Проведенный анализ судебной практики показывает, что современные международные и региональные судебные органы не рассматривают универсализм прав человека и культурный релятивизм как взаимоисключающие концепции. Вместо этого формируется дифференцированный подход, в рамках которого культурный контекст может учитываться при толковании и реализации отдельных прав, однако не способен служить основанием для ограничения фундаментальных прав и свобод.

Такой вывод подтверждается рассмотренными судебными делами. Практика Европейского суда по правам человека по делам *Opuz v. Turkey* и *D.H. and Others v. Czech Republic* демонстрирует, что культурные традиции, общественные установки или особенности национальной системы не могут оправдывать насилие, дискриминацию и нарушение принципа равенства. В свою очередь, решение Межамериканского суда по правам человека по делу *Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua* показывает возможность интеграции культурной специфики в содержание универсальных прав посредством учета традиционных форм землепользования и коллективной идентичности коренных народов. Практика Международного суда ООН, а также международных уголовных трибуналов по делам *Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro*, *Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu* и *Prosecutor v. Radislav Krstić* подтверждает абсолютный характер запрета геноцида, преступлений против человечности и иных нарушений норм *jus cogens*, исключающий возможность их оправдания культурными, политическими или историческими обстоятельствами.

Сравнительный анализ указанных дел позволяет сделать вывод о формировании многоуровневой модели правоприменения, в которой степень учета культурного контекста зависит от характера затрагиваемого права. Чем выше значение защищаемого блага для международного сообщества, тем уже пределы допустимого обращения к культурному релятивизму. В отношении права на жизнь, запрета пыток, геноцида, дискриминации и иных

фундаментальных прав универсальные стандарты обладают безусловным приоритетом. Вместе с тем в вопросах, связанных с культурной идентичностью, языковыми правами, традиционным образом жизни и коллективными правами коренных народов, международные суды допускают более гибкие механизмы правовой интерпретации.

Авторская позиция состоит в том, что дальнейшее развитие международной системы защиты прав человека целесообразно связывать с концепцией культурно-интегрированного универсализма. Данная модель предполагает сохранение неизменности фундаментальных международных стандартов при одновременном учете культурных и социальных особенностей конкретных обществ на уровне правоприменения.

В практическом плане реализация данного подхода может основываться на нескольких принципах. Во-первых, культурные аргументы могут приниматься во внимание только в тех случаях, когда они не затрагивают фундаментальные права человека. Во-вторых, при разрешении подобных споров необходимо проводить разграничение между абсолютными правами и правами, допускающими определенную культурную адаптацию. В-третьих, особое внимание должно уделяться последствиям решений для уязвимых групп населения, включая женщин, детей, меньшинства и коренные народы. Наконец, при столкновении универсальных стандартов и культурных особенностей правоприменитель должен руководствоваться принципом пропорциональности, обеспечивая максимально возможную защиту человеческого достоинства при сохранении уважения к культурной идентичности.

Таким образом, международная судебная практика свидетельствует не о противостоянии универсализма и культурного релятивизма, а о постепенном формировании механизма их согласования. Именно такой подход представляется наиболее перспективным для дальнейшего развития общепризнанных прав человека в условиях возрастающего культурного многообразия современного мира.

Список использованной литературы:

1. Eshetu, Y. Understanding Cultural Relativism: A critical Appraisal of the Theory / Y. Eshetu // International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding. – 2017. – № 4 (6). – Pp. 24-30.
2. Osterman, T. Cultural relativism and understanding difference Language & Communication / T. Osterman // Language & Communication. – 2021. – Vol. 80. – Pp. 124-135.
3. A. Arat. Cultural relativism types and its elements [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.internationalscholarsjournals.com/articles/cultural-relativism-types-and-its-elements.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Londoño-Lazaro, M.C. The Inter-American Court of Human Rights and Multinational Enterprises: Towards Business and Human Rights in the Americas? / M.C. Londoño-Lazaro, U. Thoene, C. Pereira // The Law and Practice of International Courts and Tribunals. – 2017. – № 16 (3). – Pp. 437-463.
5. Perez-Leon-Acevedo, J.P. The Inter American Court of Human Rights: The Legitimacy of International Courts and Tribunals / J.P. Perez-Leon-Acevedo // Nordic Journal of Human Rights. – 2022. – № 40 (3). – Pp. 503-505.
6. Lutfiu, N. The International Court of Justice / N. Lutfiu, N. Pajaziti // International Journal of Religion. – 2024. – № 5 (5). – Pp. 298-307.
7. Afyare, A.A. The role of the international criminal court in global justice / A.A. Afyare // International Journal of Innovative Research and Scientific Studies. – 2025. – № 8 (9). – Pp. 397-403.
8. Аралбаева, А.А. Сексуальное насилие во время вооруженных конфликтов как преступление против человечества и геноцид / А.А. Аралбаева, К.М. Бишманов // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. – 2024. – № 3 (33). – С. 127-139.

References:

1. Eshetu, Y. Understanding Cultural Relativism: A critical Appraisal of the Theory / Y. Eshetu // International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding. – 2017. – № 4 (6). – Pp. 24-30.
2. Osterman, T. Cultural relativism and understanding difference Language & Communication / T. Osterman // Language & Communication. – 2021. – Vol. 80. – Pp. 124-135.
3. A. Arat. Cultural relativism types and its elements [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa:

<https://www.internationalscholarsjournals.com/articles/cultural-relativism-types-and-its-elements.pdf> (data obrashhenija: 20.03.2026).

4. Londoño-Lazaro, M.C. The Inter-American Court of Human Rights and Multinational Enterprises: Towards Business and Human Rights in the Americas? / M.C. Londoño-Lazaro, U. Thoene, C. Pereira // *The Law and Practice of International Courts and Tribunals*. – 2017. – № 16 (3). – Pp. 437-463.

5. Perez-Leon-Acevedo, J.P. The Inter American Court of Human Rights: The Legitimacy of International Courts and Tribunals / J.P. Perez-Leon-Acevedo // *Nordic Journal of Human Rights*. – 2022. – № 40 (3). – Pp. 503-505.

6. Lutfiu, N. The International Court of Justice / N. Lutfiu, N. Pajaziti // *International Journal of Religion*. – 2024. – № 5 (5). – Pp. 298-307.

7. Afyare, A.A. The role of the international criminal court in global justice / A.A. Afyare // *International Journal of Innovative Research and Scientific Studies*. – 2025. – № 8 (9). – Pp. 397-403.

8. Aralbaeva, A.A. Seksual'noe nasilie vo vremja vooruzhennykh konfliktov kak prestuplenie protiv chelovechestva i genocid / A.A. Aralbaeva, K.M. Bishmanov // *Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы*. – 2024. – № 3 (33). – S. 127-139.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Балнур Каримбаевна Батырбекова – META University Креативті экономика және құқық мектебінің аға оқытушысы, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: kanaternat@mail.ru.

Батырбекова Балнур Каримбаевна – старший преподаватель школы Креативной экономики и права META University, магистр юридических наук, e-mail: kanaternat@mail.ru.

Batyrbekova Balnur Karimbayevna – Senior Lecturer at the School of Creative Economy and Law META University, Master of Law Sciences, e-mail: kanaternat@mail.ru.

Асемгуль Узакбаевна Усенбаева – META University Креативті экономика және құқық мектебінің аға оқытушысы, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: assemgul.ussenbayeva@yu.edu.kz.

Усенбаева Асемгуль Узакбаевна – старший преподаватель школы Креативной экономики и права META University, магистр юридических наук, e-mail: assemgul.ussenbayeva@yu.edu.kz.

Usenbayeva Asemgul Uzakbayevna – Senior Lecturer at the School of Creative Economy and Law META University, Master of Law Sciences, e-mail: assemgul.ussenbayeva@yu.edu.kz.